

УДК 811.161.1'27:004.773

ББК 81.2Рус-3

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

В. И. Карасик
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай

Vladimir I. Karasik
Moscow, Russia
Tianjin, China

Комические аттрактивы в сетевом дискурсе

Comical Attractives in Network Discourse

Рассматриваются комические аттрактивы в сетевом дискурсе – перепоствы шуток, анекдотов, демотиваторов и других текстов, предназначенные для удовольствия читателей и состоящие в карнавальном переворачивании стереотипных представлений, мнений и способов поведения. Показаны приёмы построения таких комических текстов, которые сводятся к нарушению смыслового согласования между сценариями интерпретации этих высказываний и включают непонимание нестандартности ситуации, тавтологическая неясность, переосмысление значений слов, расхождение стилистических регистров, неконгруэнтность обиходных и смысложизненных оценок, рассогласование позиций участников диалога, интертекстуальное соединение разных жанровых установок, комичное перефразирование, комические трансформации речевых актов.

Ключевые слова: сетевой дискурс, жанры речи, аттрактив, комический текст, карнавализация.

The article deals with comical reposts treated as a genre of network discourse. They include jokes, anecdotes, demotivators and other texts designed for entertaining readers. Such texts upturn stereotypical opinions and ways of behavior. The techniques of their construction and interpretation consist in incongruities between their parts and blending of incompatible meanings which seem bizarre and hence funny. They include misunderstanding of non-standard situations, tautological evidence, reconsideration of word meanings, divergence of stylistic registers, incongruity of habitual and essential evaluations, disagreement between the positions of participants in a dialogue, intertextual combination of different genre dispositions, comical periphrasis, speech acts transformations.

Keywords: network discourse, speech genres, attractives, comical texts, carnivalization.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва; Тяньцзиньский университет иностранных языков.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute, Moscow; Tianjin Foreign Studies University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Сетевой дискурс насыщен юмором. Общение в сети многократно увеличивает всё плохое и всё хорошее в самопрезентации наших современников: возможность спрятаться под маской ника открывает шлюзы для пошлости, грубости и неприкрытого цинизма, но возникает естественное сознательное и подсознательное противодействие расчеловечиванию человека, и юмор в этом плане выступает как надёжный способ преодоления превратностей нашей индивидуальной и коллективной судьбы.

Основные концепции юмора как отношения к реальности сводятся к идеям повышения своего статуса (смеясь над чем-либо, мы демонстрируем свое превосходство), снятия напряжения (если нечто воспринимается как смешное, это значит, что нет опасности), получения игрового удовольствия (смех

доставляет радость), а его внутренняя природа состоит в сочетании несочетающихся сценариев [1–7]. Существуют определенные юмористические паттерны, структурные схемы высказываний, вызывающих комический эффект [8–10]. Заслуживает внимания соотношение разных типов стимулов и реакций, вызывающих улыбку или смех: фарс вызывает хохот (цирковой юмор), люди обычно улыбаются, услышав шутку, с усмешкой воспринимают остроумные фразы, с ухмылкой реагируют на иронию [11]. Детально изучены жанры комического, в частности анекдоты [12–19]. Выделены типичные объекты юмористической критики в анекдотах: глупое, страшное, запретное и претенциозное [20]. Охарактеризована градация несерьезного поведения – от еле заметной игры до откровенного балагурства, с одной стороны, и от добродушных

шуток до агрессивного черного юмора, с другой стороны [21]. Суть сетевого дискурса – поддержание добрых дружеских отношений с теми, кто входит в широкий круг своих, и поэтому типичные способы демонстрации своего превосходства вступают в противоречие с предназначением сетевого общения.

Различные виды юмора в рамках сетевого дискурса можно объединить под общим названием «комические аттрактивы», поскольку их цель – доставить удовольствие участникам общения и привлечь их внимание к смешному рассогласованию между обычным и данным положением дел и, тем самым, обратить внимание на отправителя сообщения.

Распространенный текстотип юмористического высказывания состоит в форсированном предъявлении нелепого положения дел:

На приеме у врача сидит мужик, у которого из головы торчит топор.

Врач спокойно:

– В детстве корью, желтухой болели?...

Использование стандартного сценария в нестандартной ситуации вызывает улыбку.

Конкретизация самоочевидного – типичный приём построения комического эффекта:

– Назовите вашу слабую сторону.

– Я тупой.

– Мы вам перезвоним.

– Кому вам?

Демонстрация непонимания того, что должно быть понятно каждому, представляет собой разыгрывание комедийного сюжета.

Комичность тавтологии видна в следующем примере:

– Почему ваш ребенок непрерывно орет? Чего он хочет?

– Он хочет орать!

Мы допускаем, что констатация наблюдаемого может ничего не объяснять, но в таком случае подобный ответ содержит импликацию о неуместности вопроса.

Комическое осмысление очевидной ситуации соответствует рубрике «идиотская очевидность»:

– Золушка, почему ты плачешь? Что случилось?

– Я не могу пойти сегодня на бал!!!

– Но почему?

– Да потому что бал завтра!!!

Такие шутки по своей функции соответствуют пустоговоркам, высказываниям, назначение которых – заполнить паузу и вызвать к себе доброе расположение адресата неприятельным цирковым приёмом развлечения.

Переосмысление исходного значения слова либо одного из исходных смыслов часто используется как приём создания комического эффекта:

– Кто любит людей вне зависимости от их национальности, вероисповедания и места жительства?

– Крокодилы.

Семантика глагола «любить» зависит от контекста, в данном случае происходит накладка двух сценариев осмысления этого глагола.

Подобное переосмысление может касаться переносных значений слова:

В трамвае Костик уступил место ясновидящей старушке. «Спасибо, внучек! – поблагодарила она. – Насидишься ещё».

В этой шутке обыгрывается переносное значение глагола «сидеть» – «сидеть в тюрьме». Старушка благодарит воспитанного мальчика, но предрекает ему трудную судьбу.

Комический эффект строится на рассогласовании когнитивных сценариев участников общения, обычно это серьезная и несерьезная коммуникация:

– Девушка, дайте мне таблетку.

– Вам какую?

– Белую.

– Послушайте, это аптека. У нас много белых таблеток.

– Дайте мне одну.

Провизор находится на работе, просьба дать клиенту белую таблетку не является информативной, и дальнейший разговор переводит общение в сферу комического абсурда. Возникают разные импликации применительно к слову «много»: для фармацевта это знак неопределенности просьбы, для посетителя – основание для такой просьбы.

Рассогласование сценариев может быть сфокусировано на несоответствии пресуппозиций относительно типичных коммуникативных ситуаций:

– Что везёте? Оружие, наркотики есть?

– Сейчас посмотрю. Меня мама собирала.

Персонаж этой шутки отвечает на дежурный вопрос службы контроля бессмысленным высказыванием, возлагая ответственность за транспортировку запрещенных предметов на маму.

Интересна серия комических аттрактивов, в которых обыгрываются смысложизненные наблюдения:

– Никто не возвращается из путешествий таким, каким он был раньше.

– Ты же просто сходил за хлебом.

– Я видел людей.

В этом диалоге показан смысловой зигзаг: первое предложение представляет собой сентенцию о значимости путешествий для расширения кругозора человека и понимании жизни, второе резко принижает пафосную направленность предшествующей фразы, но третье возвращает нас на уровень серьезных

наблюдений. Действительно, даже простое посещение магазина по соседству может быть поучительным.

Близкий по типу пример:

Я вдоволь насмотрелся на людскую жестокость, на мёртвые лица, на беспричинное насилие, а потом наконец вышел на своей остановке.

Начало этого предложения заставляет нас подумать о жизненном эпилоге человека, которому многое пришлось испытать, но затем происходит резкий сдвиг в сторону обыденности (стилистика фигура «батос»). Вместе с тем окончание фразы допускает неоднозначное осмысление: во-первых, из любого опыта можно вывести наблюдения о смысле жизни и закономерностях жизненного пути, и, во-вторых, словосочетание «выйти на своей остановке» может интерпретироваться как уход из жизни. Такая интерпретация пересекается с восприятием поэтических текстов, например, название мюзикла Лесли Брикасса и Энтони Ньюли «Остановите Землю – я сойду».

В подобных случаях нарушения конгруэнтности информации (ее согласованности) комический эффект возникает в пояснении, которое обычно следует за пафосным рассуждением:

– Да кто мы такие, чтобы противостоять силам природы?! Так, пылинки на окраине Вселенной...

– Петрович, бери лопату и убирай снег!

Мы понимаем, что персонаж на самом деле хочет увильнуть от работы.

Неконгруэнтность (инконгруэнтность) частей единого высказывания может быть комичной при парадоксальном переходе ситуаций в иной тип:

Однажды тамаду Сидорова остановил инспектор ГИБДД и выписал штраф за обгон через сплошную, за непристёгнутый ремень, за тонировку, за здоровье, за родителей, за тех, кто в море, за любовь и на посошок!

Первая часть этого сообщения касается стандартного описания санкций сотрудника службы безопасности движения по отношению к нарушителю правил такого движения (обгон через сплошную, непристёгнутый ремень, тонировка), но ситуация становится комичной, когда мы понимаем, что виновник этих нарушений, будучи тамадой, предлагает патрульному офицеру выпить с ним (приводятся типичные тосты).

Юмор часто строится на полном противоречии между пресуппозициями о нормальной картине мира и содержанием высказывания:

Объявления

Делаю копии с любых документов. Оригинал не требуется.

Копия, у которой нет оригинала, есть нонсенс.

Смещение обиходной реакции в область профессионально значимой ситуации может быть комичным:

«Я могу управлять самолетом!» – раздался радостный возглас из кабины пилота, и все пассажиры рейса Москва – Анталия миготом протрезвели.

Пассажиры понимают, что за пультом управления воздушным лайнером оказался человек, впервые принявший на себя роль пилота. Комизм ситуации состоит в несопадении реакций субъектов этой ситуации: детская радость того, кто решил поиграть в лётчика, и ужас пассажиров.

Комичным является неожиданное совмещение повествовательных стереотипов:

И тут они сели в лифт и умчались в неизвестном направлении...

Первая часть фразы описывает обычное положение дел, а вторая относится к приключенческим сюжетам, при этом мы понимаем, что лифт может двигаться только вверх или вниз, и поэтому контаминация этих сюжетов вызывает улыбку.

Подобное совмещение может касаться сфер общения:

Котлеты – на плите.

Борщ – в холодильнике.

Смысл жизни – в служении гуманистическим идеалам человечества.

Целую

В записке, предназначенной близкому человеку, совмещены разноплановые темы – обиходная и этико-философская, и констатация смысложизненных ценностей в контексте бытового дискурса выглядит комично.

Интересны случаи игры с условностями:

Объявление в детском саду:

«Уважаемые родители! Не верьте, пожалуйста, всему тому, что рассказывает ваш ребёнок про детский сад! В свою очередь, мы обещаем не верить всему тому, что он рассказывает про вас».

Предполагается, что ребёнок рассказывает родителям о том, как ему плохо в детском саду, а воспитателям говорит о том, что его обижают родители. Условность этой шутки состоит в обещании не верить: мы понимаем, что такие обещания давать бессмысленно, но можно делать вид, что подобная договорённость достигнута.

К числу подобных комичных замещений относятся и квазипарольные замены очевидных обозначений произвольными знаками:

Вниманию сотрудников

Не забудьте, 29 декабря работаем.

Работаем с самого утра. Как начнём утром работать, так до самого вечера и ра-

ботаем. Приносим с собой из дома купленную заранее работу и работаем. Ходим друг к другу в кабинеты и пробуем работу друг друга. Главное – работу нужно правильно закусывать, а то можно не увидеть конца рабочего дня.

В данном контексте слово «работа» обозначает «спиртное». Этот приём является неприятным распространённым способом комической трансформации знаков и по своей сути близок цирковому юмору. Аналогичные обозначения видны в старом анекдоте:

– *Сколько книг вмещается в твой портфель?*

– *Думаю, шесть по 0,5.*

Шутки о выпивке подразумевают понимание того, что эту тему желательнее обозначать косвенно.

Перевод содержания в подтекст бывает комичным:

Раньше ведь оно как было?

– *Как?*

Вот именно! а теперь что?

– *Что?*

Вот и я говорю.

Перед нами пародирование диалога, включающего эхо-реплики. Обычно такие реплики направлены на демонстрацию поддержки собеседника, сохранение эмоционального контакта, но в ряде случаев они свидетельствуют о непонимании, которое является смешным.

Интересны случаи вербализации иллюзий, которые не должны быть словесно обозначены (иллюзивное самоубийство):

Переубедить вас мне не удастся, поэтому сразу перейду к оскорблениям.

Высказывание «я вас оскорбляю» превращает акт оскорбления в нонсенс.

Комичными являются распространённые случаи демонстративного рассогласования позиций участников диалога:

– *Доктор, а я на операции не умру?*

– *Что вы, нас так за это ругают!!!*

Ответ врача свидетельствует о том, что его система ценностей радикально отличается от установок пациента (пациент в данном случае ассоциируется с представителями всего сообщества). Обратим внимание на то, что в шутках на медицинские темы врачи шуточно оценивают себя:

Если больной хочет выздороветь, медицина бессильна.

Мы понимаем, что не всё зависит от врачей, но всё-таки что-то зависит (сравним с возможной заменой начала фразы *Если больной не хочет выздоравливать...* – такое высказывание вряд ли допускает шуточную интерпретацию).

В сетевом дискурсе шуточно оцениваются приоритеты представителей разных профессиональных групп:

Если внимательно понаблюдать за сотрудниками Макдональдса, можно сразу заметить филологов: они кладут котлеты в булочки, а не ложат, как остальные.

Насмешка над ненормативным глаголом «ложить» вызывает улыбку. Аналогичный эффект прослеживается в демотиваторе (шутливом плакате), на котором изображены грешники в адском котле в окружении чертей. Подпись: «Они не различали “тся” и “ться”». Такая ошибка весьма частотна в интернет-общении.

Контаминация интерпретативных сценариев требует осознания современной картины мира:

Утром ехал на автобусе, задумался и, выходя на своей остановке, всем громко сказал: «До свидания». Потом дошло, что сморозил глупость, притормозил в дверях и обернувшись добавил: «А впрочем, прощайте». Вы бы видели, как они все за мной выпрыгивали.

Пассажиры в общественном транспорте не приветствуют друг друга и не прощаются при выходе. Герой повествования делает коммуникативную ошибку, пытается исправиться, но это приводит к развёртыванию другого сценария: слово «прощайте» произносится, когда прощаются навсегда, в наши дни первое, что приходит в голову нашим современникам в такой ситуации, это предупреждение о наличии взрывного устройства в транспорте. Перед нами пример чёрного юмора, назначение которого – критически оценить сегодняшнюю реальность.

Юмор в сетевом дискурсе может строиться на фигурах интертекстуальных связей, например, так обыгрывается жанр полезных советов:

Мало кто знает, что для украшения квартиры на новый год достаточно бросить петарду в винегрет.

Взрыв петарды в винегрете приведет к тому, что на всех стенах будут следы овощей. В какой мере квартиру после этого можно назвать красивой, – это дискуссионный вопрос.

Часто обыгрывается жанр рекомендаций. Комично выглядит контаминация реальной и сказочной ситуации:

При встрече с медведем постарайтесь не совершать резких движений, не есть из его миски и не спать в его кровати.

Первая часть рекомендации выглядит вполне соответствующей подобному жанру, а вторая является аллюзией к известной русской народной сказке. В результате такого совмещения рекомендация как таковая вызывает улыбку.

Популярно также обыгрывание жанра «объявление». Шутливое переворачивание пресуппозиций прослеживается в следующем примере:

Объявление в зоопарке: «Уважаемые обезьяны, до вас дойдёт быстрее: не ешьте у людей с рук!»

Обычно в зоопарках вывешиваются объявления о том, что животных нельзя кормить. Абсурдное замещение адресатов текста вызывает улыбку.

В ряде случаев комизм таких текстов представляет собой черный юмор:

Объявление

Таксисту, нашедшему в своей машине документы с грифом «Совершенно секретно», предлагается застрелиться самому...

Здесь сталкиваются две объяснительные линии: 1) знакомство с секретной информацией смертельно опасно и 2) найти такого таксиста не представляется возможным, и поэтому ему предложено самостоятельно застрелиться.

Интересны случаи комических диалогов с самим собой:

Встретилось слово «скарификатор». Решил глянуть в словаре, что это. «Скарификатор – это инструмент для скарификации перикарда». Я так и думал.

Обыгрывается непонятное неспециалисту толкование медицинских терминов. Предполагается, что словарь должен раскрыть значение слова. Скарификация в медицине – это создание мелких поверхностных насечек, соответственно, скарификатор – это инструмент для прокалывания, перикард – тканевая оболочка, окружающая сердце. Такая операция используется для борьбы с аритмией. Непонимание терминов вполне простительно для людей, не имеющих специального образования. Комичным в этой ситуации является комментарий: «Я так и думал». Словарь, как выясняется, не всегда раскрывает значение непонятных слов.

Вызывают улыбку некоторые классификации:

В принципе, окружающие делятся на две категории – на тех, кто меня хвалит, и тех, кто совершенно не разбирается в людях.

Из этой шутливой дихотомии вытекает вывод: те, кто меня не хвалит, не разбираются в людях, т. е. меня нужно хвалить. Подобные шутки строятся по определённому образцу, например:

По этому поводу есть две точки зрения – моя и неправильная.

Комичным в ряде случаев бывает перефразирование:

Никогда не говори: «Я ошибся». Лучше скажи: «Надо же, как интересно получилось!».

Отметим, что подобные заместительные обороты часто юмористически обыгрываются в анекдотах:

В одном детском садике дети стали использовать нецензурные выражения. Выяснилось, что несколько дней назад там меняли водопроводную трубу. Рабочих спросили: не ругались ли те при детях? Мастера ответили отрицательно. Тогда вопрос уточнили: не произошло ли чего-то необычного во время замены трубы? Один из рабочих вспомнил, что его напарник уронил ему на ногу тяжёлую трубу. «И что же вы сказали? – Вот незадача!».

Мы понимаем, что на самом деле были сказаны другие слова, а их замена этим выражением выглядит как смешной эвфемизм.

Комичными бывают и трансформации речевых актов. Например, угроза:

Вечерняя электричка. В переполненный вагон входит мальчик с барабаном на шее. Весело оглядев усталых и мрачных пассажиров, он звонко кричит:

– Ну что, граждане, или по десяточке, или я начинаю свой концерт!

Барабанный концерт в вечерней электричке вряд ли будет приятен пассажирам. Комизм ситуации состоит в том, что артисту обычно платят за его игру, за демонстрацию умения развлечь публику. В данном случае подразумевается, что платить нужно за то, чтобы остаться в покое. Происходит карнавальное переворачивание типичной ситуации.

Подобные трансформации могут затрагивать и осмысление примет:

– Дорогой, соль рассыпалась ... говорят это к ссоре.

– Дорогая, не переживай, может, обойдётся?

– Ну уж нет, милый, я уже настроилась!

Предполагается, что обычно люди стремятся избежать ссор и огорчаются, если появляются знаки, предвещающие ссору. Героиня этой шутки переворачивает привычное положение дел и демонстрирует желание поссориться без всякой причины. Рассыпанная соль становится просто удобным поводом для такого поведения.

Комичной может быть и прагматика сослагательного наклонения:

Как известно, евро в последнее время сильно подешевел по отношению к доллару. Если бы у меня был миллиард евро, то как представляю – аж плохо становится. А так всё нормально...

Обычно люди огорчаются, если у них нет денег. Герой этого нарратива переворачивает ситуацию: ему приятно, что у него нет причины для огорчения, поскольку изменение курса евро его никак не затрагивает. Такая пози-

ция вызывает улыбку, но отметим, что в этом повествовании можно найти и нескрываемое злорадство по поводу того, что некоторые миллиардеры потеряют свои богатства.

Комментарии к аттрактивам носят свёрнутый характер: читатели обычно просто ставят стилизованные знаки одобрения – лайки.

Резюмирую.

Комические аттрактивы в сетевом дискурсе представляют собой перепосты шуток, анекдотов, демотиваторов и других текстов с изображениями или без них, предназначенные для удовольствия читателей и состоящие в карнавальном переворачивании стереотипных пред-

ставлений, мнений и способов поведения. Приёмы построения таких комических текстов состоят в различных вариантах нарушения смыслового согласования между сценариями интерпретации этих высказываний: непонимание нестандартности ситуации, тавтологическая самоочевидность, переосмысление значений слов, расхождение стилевых регистров, неконгруэнтность обиходных и смысловых жизненных оценок, рассогласование позиций участников диалога, интертекстуальное соединение разных жанровых установок, комичное перефразирование, комичные трансформации речевых актов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» (2019–2021)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
2. Davies C. *Jokes and their relation to society*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. 244 p.
3. Davis M. S. *What's So Funny? The Comic Conception of Culture and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 386 p.
4. Morreall J. *Philosophy of Humor* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. Edward N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/humor/> (дата обращения: 10.10.2018).
5. Mulkay M. *On Humor: Its Nature and Place in Modern Society*. Cambridge: Polity Press, 1988. 232 p.
6. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel, 1985. 284 p.
7. Yus F. *Humor and Relevance*. Amsterdam: John Benjamin's, 2016. 367 p.
8. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. L.; N. Y.: Routledge, 1992. 129 p.
9. Hofstadter D., Gabora L. *Synopsis of the workshop on humor and cognition* // *Humor*. 1989. Vol. 2, iss. 4. P. 417–440.
10. Shouse E. *Tales of the bizarre: Notes on the Nature of Humor and Reality* // *Israeli Journal for Humor Research*. 2017. Vol. 6, iss. 2. P. 50–67.
11. Cassar M. A. *Kinds of Pleasure and Types of Laughter in the Analysis of Laughter Provocation* // *Israeli Journal for Humor Research*. 2017. Vol. 5, iss. 2. P. 42–51.
12. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // *Современный городской фольклор*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 581–598.
13. Габидуллина А. Р. Анекдот с точки зрения прагматической лингвистики // *Восточноукраинский лингвистический сборник*. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000. С. 295–302.
14. Душенко К. В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // *Человек:*

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00609 A “Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code” (2019–2021)).

образ и сущность: Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 132–160.

15. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с.
16. Норман Б. Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого коммуникации // *Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. ст.* Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 283–290.
17. Столович Л. Н. Анекдот и миф // *В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество*. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 476–484.
18. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. *Русский анекдот: Текст и речевой жанр*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
19. Щурина Ю. В. *Шутка как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Новгород, 1997. 24 с.
20. Слышкин Г. Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
21. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
2. Davies C. *Jokes and their relation to society*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1998. 244 p.
3. Davis M. S. *What's So Funny? The Comic Conception of Culture and Society*. Chicago, University of Chicago Press, 1993. 386 p.
4. Morreall J. *Philosophy of Humor*. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Edward N. Zalta (ed.). 2016. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/humor/> (accessed 10 October 2018).
5. Mulkay M. *On Humor: Its Nature and Place in Modern Society*. Cambridge, Polity Press, 1988. 232 p.
6. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, Reidel, 1985. 284 p.
7. Yus F. *Humor and Relevance*. Amsterdam, John Benjamin's, 2016. 367 p.

8. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. London, New York, Routledge, 1992. 129 p.
9. Hofstadter D., Gabora L. Synopsis of the workshop on humor and cognition. *Humor*, 1989, vol. 2, iss. 4, pp. 417–440.
10. Shouse E. Tales of the bizarre: Notes on the Nature of Humor and Reality. *Israeli Journal for Humor Research*, 2017, vol. 6, iss. 2, pp. 50–67.
11. Cassar M. A. Kinds of Pleasure and Types of Laughter in the Analysis of Laughter Provocation. *Israeli Journal for Humor Research*, 2017, vol. 5, iss. 2, pp. 42–51.
12. Belousov A. F. Sovremennyj anekdot [Modern anecdote]. In: *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. pp. 581–598 (in Russian).
13. Gabidullina A. R. Anekdot s točki zreniya pragmalingvistiki [Anecdote from the point of view of pragmalinguistics]. *Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik* [East Ukrainian linguistic collection]. Vol. 6. Doneck, Donechchina Publ., 2000, pp. 295–302.
14. Dushenko K. V. “Pravo na anekdot”. Sovremennyj anekdot kak sociokul’turnyj fenomen [“The right to anecdote”. Modern anecdote as a sociocultural phenomenon]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost’: Ezhegodnik* [Man: Image and Essence: Yearbook]. Moscow, INION RAN, 2000, pp. 132–160 (in Russian).
15. Kurganov E. Ya. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1997. 123 p. (in Russian).
16. Norman B. Yu. K analizu anekdota kak zhanra nepryamoj kommunikacii [Analysis of the anecdote as a genre of indirect communication]. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya: sb. nauch. st.* [Direct and indirect communication]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 2003, pp. 283–290 (in Russian).
17. Stolovich L. N. Anekdot i mif [Anecdote and myth]. In: *V perspektive kul’turologii: povsednevnost’, yazyk, obshchestvo* [In the perspective of cultural studies: everyday life, language, society]. Moscow, Akademicheskij proekt, RIK Publ., 2005, pp. 476–484 (in Russian).
18. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 2002. 144 p. (in Russian).
19. Shchurina Yu. V. *Shutka kak rechevoj zhanr* [Joke as speech genre]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Novgorod, 1997. 24 p. (in Russian).
20. Slyshkin G. G. *Lingvokul’turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 340 p. (in Russian).
21. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 3.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Комические аттрактивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 227–233. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

For citation

Karasik V. I. Comical Attractives in Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 227–233. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>